

Собеседник 1996, № 45, с. 26

В детстве Таню Буланову никогда не учили петь. Правильно петь надо «животом», а не горлом. А она привыкла петь, как поется, — душой. После школы с институтом не сложилось, и Таня стала работать библиотекарем в Санкт-Петербурге. Когда потянуло на сцену и появилась возможность поставить вокал, было уже поздно: ни один учитель так и не смог научить ее выражать себя «по правилам». Робкая и не уверенная в себе, она начала выходить на сцену, тайком отхлебывая за кулисами припасенные мамой 50 грамм для храбрости. Каких усилий сентиментальному отпрыску человеку стоили первые успехи в жестком и суровом мире шоу-бизнеса, не видел никто. Зато вряд ли кто не уловил предельной искренности и открытости сердца певицы, пульсирующего в каждой песне.

— Если бы тогда, когда я была маленькой девочкой, мне сказали, что Алла Пугачева придет слушать, как я пою, и подарит мне цветы, я бы или не поверила, или только ради этого стала артисткой...

— Но теперь это свершившийся факт: один из твоих недавних сольных концертов в Москве посетила А.Б., что было замечено всей публикой и вызвало аплодисменты. Ты сама ее пригласила?

— Насколько мне известно, это была ее собственная инициатива. Алла Борисовна подошла ко мне после концерта и сказала несколько слов, очень для меня приятных.

— А что именно?

— Что она не видела еще такого концерта, где бы можно было и смеяться, и плакать, и все это от души.

— Алла Борисовна действительно плакала?

— Мне трудно судить об этом, я все-таки была на сцене и пела в это время, но мне показалось, что да. По крайней мере, для меня эти ее слова как высшая похвала.

— Таня, ты назвала свой новый альбом «Мое русское сердце». Не кажется ли тебе, что при твоём имидже «плакательницы» это звучит несколько тенденциозно?

— Почему? У меня действительно русское сердце, не при-

думанное. Я думаю, для русского человека ничего не бывает наполовину: смеяться — так до упаду, плакать — чтобы все вокруг заплакали. Русское сердце самое открытое и искреннее в своих эмоциях.

— Но ты только «плачешь» — тебя знают как царевну Несмеяну. Ты решила немножко «повеселеть» в своем творчестве?

— Когда журналисты так говорят, я просто удивляюсь: как я могу взять и в один момент «повеселеть»? Для этого мне надо срочно сделать операцию на сердце: мое вынуть и вложить сердце какого-нибудь весельчака. Молниеносно измениться — это не в моих силах.

Но у меня действительно появилась не то чтобы веселая, а более танцевальная музыка. Вообще, на сцене я переживаю все, о чем пою, а не представляю и не разыгрываю спектакль. Может быть, поэтому Пугачева и сказала, что у меня на концерте все от души.

— Наверно, когда ты видишь на улице какого-нибудь паршивого котенка, сразу тащишь домой — спасать...

— Да, мне будет его жаль. Наверно, даже захочется «спасить». Но сейчас я уже не подбираю котят на улице, их слишком много. А растрогать до слез меня очень легко. Я человек сентиментальный.

— От чего ты можешь заплакать?

— От чего угодно. Вот недавно наткнулась на какой-то сериал, у героя там неприятности, все так драматично. И ведь

ну прибавлять ему мучений. А что касается характера, я пею чувство юмора, легкость в общении — скорее всего потому, что сама я общаюсь немножко тяжело, и, пожалуй, способность отвечать за свои поступки, не строить замков из песка, если не можешь построить их на самом деле. Если мой Саша будет таким мужчиной, я буду за него рада. Пока я просто восхищаюсь его умением изображать не только то, что он видит вокруг себя, но и то, что он создает в своем воображении. Недавно подходит ко мне и говорит: «Мам, покажи, как гуси смеются!» Я говорю: не могу, сынок, не знаю, как они смеются. Тогда он берет и показывает — даже сейчас, как представляю, не могу удержаться от смеха, так похоже...

— Таня, тебе, ранимой и впечатлительной, наверно, нравятся крепкие, сильные мужчины, с широкими плечами, за которые можно спрятаться и поплакать?

— Совсем не так. Он может быть ниже меня ростом, толстым, худым, возможно, даже уродливым, иметь нос с горбинкой или как у Сирано де Бержерака, это не имеет для меня решающего значения. Внешность мужчины бросается мне в глаза только при первой встрече, а потом все притяжение строится на обаянии его личности. Главное, чтобы я почувствовала, что человек хороший.

— У тебя есть любимое мужское имя?

— В детстве очень нравилось Сережа. И имя Валим казалось каким-то обаятельным. А если честно, то, как только я влюб-

в себе страх перед зрительным залом, или что я могу забыть слова, сфальшинить, или мысли о том, что, как только я шагну на сцену, случится что-нибудь ужасное. Например, подкосится каблук и я упаду. Побороть все эти страхи — это были довольно серьезные волевые усилия. Так что сейчас, иногда, я могу выпить немножко красного вина или коньяка — разумеется, уже не для храбрости, а просто для настроения или расслабления.

— А как же модные коктейли со взбитыми сливками, на заморских ликерах, джинах, текилах? — Вкусно, но слишком калорийно. Недавно я сказала себе, что пора заняться собой, и соблюдаю что-то вроде самодисциплины. Вот вчера после концерта съела несколько кусочков колбасы, теперь себя корю...

— Заниматься собой — это значит блюсти стройную фигуру?

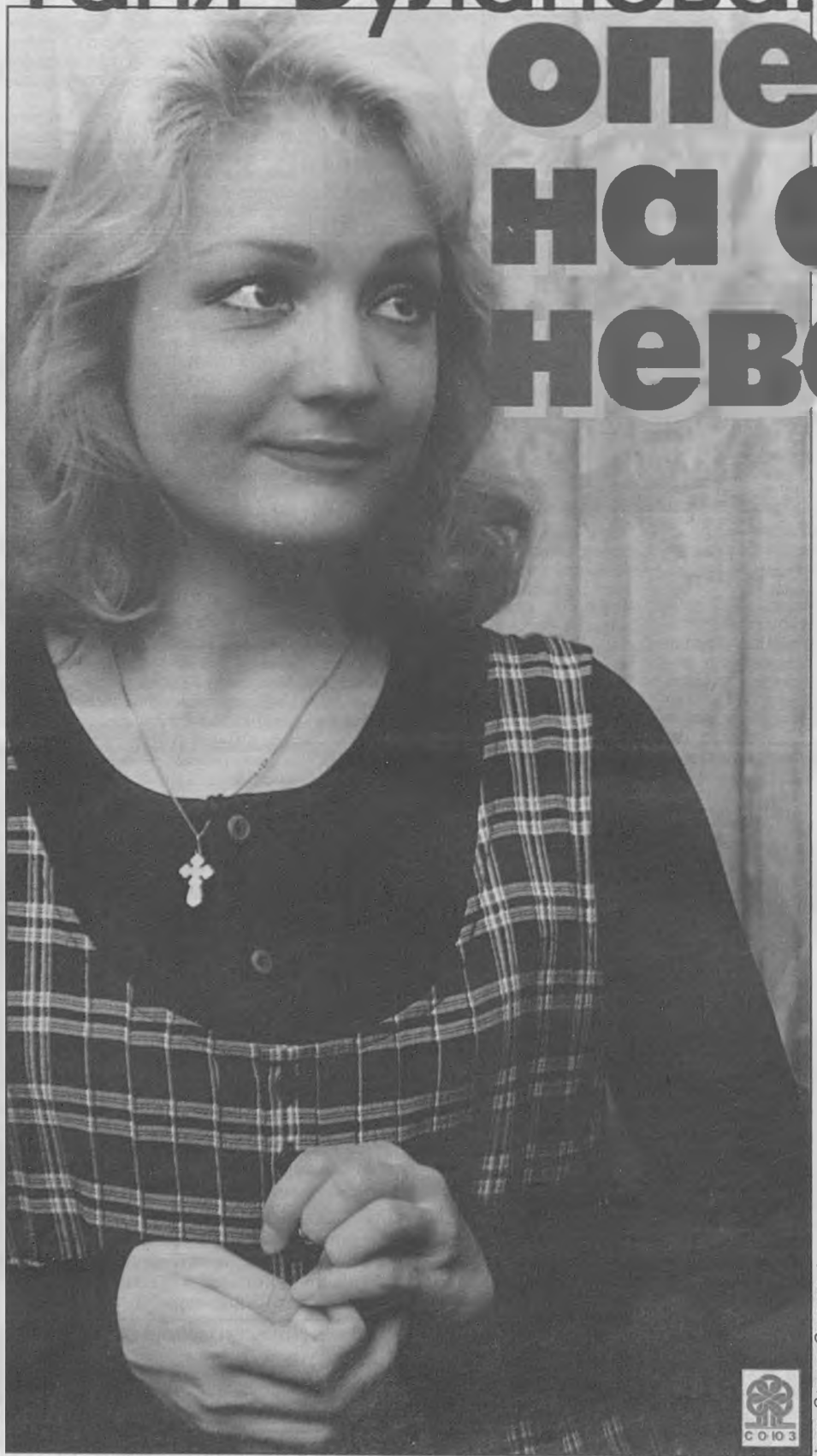
— Это значит начать предпринимать какие-нибудь действия, чтобы лучше выглядеть — и в глазах зрителей, и в своих собственных.

— Из твоих слов я поняла, для тебя это действия диетические...

— Да. Я предпочитаю диету. Тренажеры и спорт — это не для меня. Вообще, желание за-

Таня Буланова: операция на сердце невозможна

знаю, что кино, а все равно так жалко его стало, сразу комок к горлу подступил. Или, помню, «Детей капитана Гранта» показывали. Там в конце такая трогательная сцена, когда дети находят своего отца. Я в этом месте всегда плачу.

Вообще, не могу видеть и слышать, что с детьми случается нехорошее, слезы наворачиваются сами собой. Сразу вспоминаю своего сына...

— Сколько ему лет? Ты его балуешь?

— Саше сейчас три с половиной года. Баловать мне его просто некогда, я вижу сына очень редко. Его настоящая мама сейчас — это моя собственная мама. А я сама, как я шучу, мама астральная. Раньше перед каждой нашей встречей я покупала Саше игрушку. А потом мы с мамой испугались, что я для своего сына стану только тетей, которая приносит игрушки.

— Многие популярные люди стремятся как-то по-особому воспитывать своих детей, воплощать в них свои идеалы мужчин, женщин. К тебе это относится?

— Для меня самое главное, чтобы потом, много лет спустя, при любых обстоятельствах я могла спросить у сына: «Саша, я тебя когда-нибудь обманывала?» — и он бы мне без колебаний ответил: «Нет, мам». Мой сын должен знать, что его мама всегда держит слово. Если я обещаю куда-то с ним сходить или купить новую машинку, то я должна это сделать во что бы то ни стало.

А к идеалам я отношусь скептически. Идеал мужчины у меня нет. Когда в человеке собраны только хорошие качества, это, наверно, даже скучно. Ничего навязывать сыну я не буду. Правда, мне очень хочется, чтобы он хорошо владел английским языком. Но если учеба для него будет мучительна, я не ста-

влюсь, имя этого человека сразу становилось для меня любимым.

— Вы сами любите поклонение? — Когда подходят после концерта, говорят что-то хорошее, очень приятно.

— Подходят, конечно, с цветами, шампанским...

— К цветам я совершенно равнодушна. А шампанское — вокалистам ведь вообще не рекомендуются подобные шипучие напитки, к тому же я его не люблю.

— Таня Буланова соблюдает «сухой закон»?

— Я в самом деле мало пью алкоголя. Хотя у меня есть, вернее был, один маленький секрет. Раньше, когда я была еще совсем неопытной певицей, мама наливала мне в майонезную баночку немного водки — «для храбрости». Перед выходом на сцену я делала несколько глотков и чувствовала себя смелее. Но потом поняла, что, если хочу быть профессионалом, на «баночке» не продержаться. Пришлось переломить

ся собой возникает после какого-то очень хорошего стимула. Сейчас это были, наверно, мои сольные концерты в Москве. А иногда я просто плюю на себя и думаю: «Ну, какая есть, такая и есть». Не Клаудия Шиффер, но все-таки хоть как-то петь умею...

— Я знаю, вы коллекционируете игрушечных бегемотов. Наверно, дома уже настоящий «бегемотник»?

— Нет, до «бегемотника» еще далеко. Бегемот все-таки редкий зверь. Но и в магазине игрушек, где сейчас есть даже гусеницы, моя «охота» на бегемотов, как правило, неудачна. Поэтому в моей коллекции в основном подарки. Правда, уже давно приглядела одного бегемотика, очень большого и очень забавного, но он стоит 500 долларов. Пока заплатить столько за игрушку не решаюсь.

— Вы ассоциируете себя с каким-нибудь животным?

— Но только не с бегемотом! Хотя они мне нравятся — это добрые, безобидные, незащищенные и немножко грустные существа. Наверно, я ощущаю себя кошечкой.

Что-то вроде персидской: мягкой, ласковой, пушистой, но в то же время независимой и умеющей постоять за себя, если надо.

— Прямо-таки не верится, что вы способны выпускать коготки...

— Когда я начинала петь, мне действительно было очень трудно. Даже какой-нибудь смешок или небрежная реплика в мой адрес ранили меня очень больно, я сильно переживала, плакала. Со временем немножко закалилась, шоу-бизнес диктует свои условия выживания.

Беседовала
Ольга ЧЕРНЕНКО.